

РЕЛИГИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА: НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛОГА

Двадцатый век самым радикальным образом подорвал веру в человека с его безграничными возможностями и волей к добру, веру в то, что решить главные проблемы можно.

Культурных ресурсов оказалось явно недостаточно.

Евгений Ямбург,
директор Центра
образования
№ 109 г. Москвы,
член-корреспондент
РАО

Может быть, прав был И. Кант, который, несмотря на веру в «звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас», записал однажды в сердцах: «Из кривой человеческой древесины ничего путного прямого не построишь». Так что пессимистический взгляд на результативность воспитательных усилий, оказывается, имеет довольно давнюю историю. В 1949 году, незадолго до своей смерти в Париже, на ту же тему, но с поправкой на полтора века прогресса размышлял выдающийся русский религиозный философ С.Л. Франк: «То, что ещё сорок лет тому назад казалось невозможным — отчасти даже 10 лет тому назад — казалось абсолютно невозможным в европейском человеке, воспитанном на началах античной культуры, христианского и великого гуманистического движения новой истории, — рабство, по жестокости далеко превосходящее его формы в древности, массовое истребление целых народов, обращение с человеком, как со скотом, циничное презрение к самым началам права и правды — осуществилось с поразительной лёгкостью. Так называемый культурный человек внезапно оказался обманчивым призраком, реально он обнаружил себя неслыханно жестоким, морально слепым дикарём, культурность которого выразилась только в одном — в изысканности и усовершенствовании средств истязания и убийства ближних». Казалось бы, написав такое, он полностью загнал себя в тупик отчаяния, но философ в своих размышлениях идёт дальше: «Жизнь, полная мучительных трудностей и трагизма, всё же лучше гибели, смерти и разложения, и мужество в сочетании с трезвостью выше, значительнее, в каком-то смысле разумнее мужества, питаемого только иллюзиями. Нужда в оптимистических иллюзиях только обличает, что человек внутренне не готов к тягчайшим испытаниям борьбы, и питаться этими иллюзиями — значит рисковать капитулировать перед подлинной трудностью борьбы, быть не в силах переносить героический смысл человеческой жизни. В остроте и отчётливости для нас впечатления о вековечности борьбы между силами света и тьмы, в невозможности для нас каких-либо воззрений — всё равно, научных или богословских, — основанных на её игнорировании, заключается духовное своеобразие нашей эпохи»¹. Таков трезвый метафизический взгляд на смысл жизни человека, имеющего глубокие религиозные корни. В нём разгадка вопроса: почему люди, искренне верующие, наиболее достойно переносили все тяготы и невыносимые испытания минувшего века? Здесь нет попытки столкнуть две позиции, противопоставив бессилие культуры всемогуществу веры. Напротив, цель этих заметок обозначена в названии: «Религия, образование, культура: необходимость диалога». Порядок перечисления субъектов диалога не случаен: образование сегодня оказалось в центре, оно — перекрёсток на пересечении дорог. Одна из них привычно выложена накопленными позитивными знаниями, сцементирована гуманистическими традициями нового времени. Другая — призрачна, эфемерна, устремлена в небо и возведена на основе великих прозрений и интуиции человечества. Как с наименьшими потерями сблизить обе?

Нужен ли педагогу, выполняющему земные задачи, этот взгляд с заоблачных высот? **Необходим, прежде всего, для сохранения мужества**, к чему и призывал С.Л. Франк. Вторая половина XX века потребовала его не в меньшей степени, чем

1

Франк С.Л. Свет во тьме. М., С. 32–33, 40.

первая, а начало нового тысячелетия, к сожалению, также не добавило оснований для оптимизма. События 11 сентября 2001 года в Америке продемонстрировали, что высокий уровень экономики и технологической оснащённости — ещё не гарантия безопасности. А, казалось бы, абсолютно нематериальные духовно-нравственные и религиозно-идеологические проблемы, например, цивилизационной несовместимости, будучи нерешёнными, становятся грозным дестабилизирующим фактором. Оказалось, что у определённой части наших современников могут возобладать абсолютно иррациональные, метафизические эмоции, затрагивающие глубинные основы личности, толкающие на гибель, воспринимаемую как радость и озарение. Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы осознать: **человечество в целом переживает очередной системный кризис.** Должен ли педагог быть знаком хотя бы с некоторыми его признаками? Определённо, иначе он окажется в затруднительном положении врача, не имеющего точного диагноза, но самоуверенно пытающегося старым испытанным настоем из трав лечить все без исключения болезни нового тысячелетия, не зная их этиологии, симптоматики и особенностей протекания.

Кризис идентичности катализировал рост национального и конфессионального самосознания. На фоне копившихся десятилетиями взаимных обид и претензий этот процесс не мог не привести к росту ненависти и агрессии.

Следующая черта нашего духовного кризиса — **бурная мифологизация сознания.** Известный западный философ Эрнст Кассирер справедливо утверждал, что в критические периоды общественно-политической жизни миф вновь обретает свою вековую силу. В настоящее время мы имеем дело с калейдоскопом мифов, которые очень часто ошибочно принимаются за идеологию — о России, которую мы потеряли, о западном рае и многие-много другие. Из подземелья истории вновь выплывает злобный «арийский»

миф, вдохновляющий бритоголовых подростков на погромы и избиение людей. Наиболее агрессивные мифы обладают способностью к переплетению. Так незаметно образуется гремучая смесь из национализма, коммунизма и клерикализма, терроризма. Удельный вес каждой из этих составляющих может быть разным, а итог всегда один — отравленное сознание, в какой бы блестящей идеологической оболочке оно ни представало.

Мировоззренческие проблемы, характерные для постсоветского пространства, многократно обостряются глобальным, общемировым цивилизационным кризисом. Вот лишь некоторые его признаки.

- **Всё более обостряющийся конфликт глобального и этнического.** Философ Г. Померанц пишет в одной из своих работ: «Глобальная угроза в виде озоновой дыры требует глобальных решений, но нет воплощения вселенского духа, способного захватить сердце, и наступление рациональной, пошлой, космополитической культуры вызывает яростное сопротивление этносов, конфессий и национальных культур». Отсюда рост фундаменталистских настроений не только в исламе.

- **Кризис сциентистской картины мира.** Энергия, заданная ещё Аристотелем, многократно усиленная позитивизмом и рационализмом, иссякает. Люди перестают верить в исключительно рациональное постижение мира, избавляются от иллюзий линейного прогресса. (Педагоги, в силу специфики профессии, — медленнее остальных.)

- **Крах автономной морали — основы безрелигиозного атеистического гуманизма.** XX век убедительно доказал, что ценностная вертикаль неизменно рушится, коль скоро не опирается на чувство Священного.

- **Преодоление в сознании избыточного антропоцентризма, то есть слишком преувеличенной веры в мощь человека, сопровождающееся кризисом веры в человека вообще.**

Таким образом, на пороге XXI века мы столкнулись с кросскультурным шо-

ком, который лишь усугубляется специфической постсоветской ситуацией.

Очевидно, что названные проблемы и противоречия в обозримом будущем сами собой не разрешатся, волшебным образом не исчезнут. Значит, придётся учиться жить среди этих противоречий, подобно больному-хроннику, знающему о своём заболевании и предпринимающему всё от него зависящее для более-менее терпимого течения болезни. Глубинные проблемы, о которых шла речь выше, будоражат общественное сознание, бросают зловещий отсвет на страну в целом и на школу в частности. Тем временем в жизнь вступают новые поколения и школу невозможно закрыть на переучёт ценностей в ожидании очередной философской и культурологической ревизии. В таких обстоятельствах крайне драматичным становится положение российского педагога, который вынужден брать на себя ответственную задачу формировать личность молодого человека. Но в одиночку педагогам с этой задачей не справиться. **Для противостояния хаосу, абсурду, агрессии как никогда необходима мобилизация всех культурных ресурсов.**

Разумеется, сам по себе призыв к единению недорого стоит, коль скоро не будет найдено то общее, главное, существенное, что позволит всем нам вопреки естественному различию верований, культур, убеждений включиться в общую работу на заповедной территории детства. На заре нового тысячелетия, избавляясь от иллюзий линейного прогресса, разделяя взгляд на историю как на непрерывную цепь усложняющихся нравственных задач, начинаешь осознавать важность методологической идеи философа В.С. Библера, утверждавшего, что мы живём в период смены логики, которой руководствуется человечество в своём стремлении понять мироустройство. А именно: от одной логики, рациональной на данном этапе, мы переходим к диалогике — диалогу разных логик. Совмещение разных логик, о которых говорит фи-

лософ, есть не что иное, как трезвое осознание необходимости и возможности всесторонне обсуждать общие проблемы на разных языках — мировоззренческих, конфессиональных, этнокультурных. На этом пути достигается целостность и выверенная ценностная ориентация образования. В значительной степени интуитивно, на ощупь, образование в целом, и школа в частности, поворачивается к этой методологической идее, отдавая должное не только позитивным научным знаниям, но и чрезвычайно важному опыту прозрений и откровений, накопленному человечеством.

Но сразу возникает тонкий, деликатный вопрос: о соотношении светского и духовного образования в школе. Для вдумчивого педагога очевидно: **одновременно с кризисом автономной (не базирующейся на святынях) морали и крахом атеистического гуманизма кончилась эра безрелигиозного воспитания.** Стидливое умолчание этой реальности связано с европейской гуманистической традицией светского образования, с принципом свободы совести и техникой безопасности поликонфессионального государства, опасаящегося обострить, наряду с этническими, конфликты межрелигиозные. Очевидно, что в нашей стране, находящейся на перекрёстке культур, цивилизаций и конфессий, государственная школа должна быть светской. Но быть светской не означает непременно оставаться агрессивно атеистической. Такое понимание, к счастью, уже наступило. Но тонкое совмещение двух логик — процесс постепенный, до крайности сложный, на практике чреватый опасными заблуждениями и тяжёлыми срывами. Эклектичные конъюнктурные попытки механического совмещения несовместимого, в основе которых стремление торопливо сшить на живую нитку земное и небесное, выглядят курьёзно, вызывают раздражение, сеют новые раздоры. (В одном из пособий по биологии вычитал такой перл: «Человек произошёл от обезьяны по образу и подобию

Божьему». «Я, конечно, атеист, но атеист православный», — а это из выступления высокопоставленного чиновника, руководителя одного из регионов.) Наиболее взвешенной и разумной мне представляется позиция французского педагога и инспектора министерства образования Филиппа Лобстейна: «Не оскорбить ничьих убеждений, научить каждого понимать чужие взгляды, видеть нравственное начало любых религиозных установлений, будь то Рамадан или Великий пост, — это и есть светское воспитание на практике. Ибо его основной принцип: безоговорочное уважение к человеку во всём, включая религию, **поскольку религиозное чувство — неотъемлемая часть человеческой природы** (выделено мной. — *Авт.*). Государство является светским в силу вынужденной отстранённости, его забота — не допускать ни привилегий, ни притеснений ни одной из религий, которые исповедуют его граждане. Светское же образование зиждется на общности человеческих ценностей и заботится о том, чтобы не обойти вниманием ни одну из граней современной цивилизации. Не допуская однобокой пропаганды, оно предполагает для каждого возможность самоутверждения и сохранения своего подхода к миру при полном уважении к чужим взглядам.

Требуются особая деликатность и доброжелательность, чтобы не сказать ничего, что могло бы вызвать упреки хоть кого-нибудь из родителей. Не говорить дурного о людях — не с этого ли начинается терпимость? Если же кто-то заявит протест, надо суметь объяснить свои намерения, **желание показать связь культур, что возможно при широте ума и бережном отношении друг к другу.**

Школа — единственное место, где могут встретиться те, кто разделён стенами домов»² (выделено мной. — *Авт.*).

В стране, где, по меткому выражению философа Г. Померанца, часто пытаются взамен веры отцов возродить ненависть отцов друг к другу, мы пока слишком далеки от деликатности и доб-

рожелательности. У меня нет попытки идеализировать положение дел в других странах, хотя бы в той же Франции. К сожалению, ксенофобия — явление почти повсеместное. Не будем забывать, что пресловутая политкорректность американцев была оплачена убийством Мартина Лютера Кинга. **Речь идёт лишь о выверенной безупречной позиции профессионального педагога, понимающего, с каким опасным горючим материалом он имеет дело. Отступление от неё ведёт к весьма печальным последствиям.**

В одной из школ с так называемым этнонациональным компонентом автор этих строк увидел приказ директора, запрещающий изучение сказки «Три поросёнка» в начальной школе, в силу некошерности персонажей. Некошерным оказался также Колобок, поскольку замешан на сметане. Звучит как анекдот, но, к сожалению, это правда. Спрашивается: кто сам себя загоняет в культурное гетто? В другой гимназии прошёл семинар православных физиков, определивший своеобразную педагогическую сверхзадачу: **каждый** урок физики должен приводить к идее бытия Божьего. Как это корреспондирует с заповедью «Не поминай имя Господа Бога своего всуе»? Наконец, не так давно умилённые средства массовой информации сообщили о том, что настоятель одного из монастырей договорился с РАО ЕЭС о «божеских ценах» на энергоносители для своего богоугодного заведения. Значит, для школ и больниц эти цены могут быть безбожными и даже дьявольскими? Воистину не ведают, что творят...

Не менее остра и болезненна проблема межэтнических отношений. Касаясь её потому, что для большинства людей, не искушённых в теологических тонкостях, вопрос веры приобретает преимущественно национальную окраску. Осознание принадлежности к той или иной конфессии помогает им обрести национальную идентичность. Поэтому выяснение межрелигиозных отношений

Преодоление глубинного страха перед новой надвигающейся геополитической реальностью - задача в первую очередь психолого-педагогическая. На форуме российской интеллигенции в г. Уфе в ноябре 2000 года об этой проблеме убедительно говорил писатель Владимир Маканин. Примечательно и глубоко симптоматично, что тонкий и меньше всего склонный к дидактизму (если судить по его творчеству) писатель сознательно поставил себя в педагогическую позицию:

«В вопросах религиозных, вопросах сложных, конечно, главное — эта самая толерантность, то бишь терпимость. И это не решается просто хорошим и добрым отношением, хотя, в общем, в основе лежит это...

Каждый человек, который бывает сейчас за границей, скажем, в Германии, очень скоро заметит перемены, которые там произошли. Перемены сводятся к тому, что улицы стали грязнее, нет былой чистоты, вылизанности знаменитой немецкой. Всюду слышна турецкая речь. Всюду вы видите группки детей по пять-семь человек, которые бойко говорят по-турецки. И сам колорит, сам вид не вызывает сомнений в проблеме, которая возникла в Германии и которая там известна. Что поделать! Турки строили Германию давно, строят её и сейчас и имеют там очень мощное влияние с точки зрения демографии. Немцы сами говорят: ну, что мы?! Нам сорок лет, у нас один ребёнок. В сорок лет — с генетически ослабленным фондом. Хорошо, если ребёнок, а то и вовсе собачка. А у них восемь-девять, восемь-девять. Проблема!

Более того, известно, что через тридцать лет, примерно к 2030 году, в Германии останется 15% немцев. Вот проблема. И когда слышится голос: ...ну, как же, неужели вся эта чистота, весь этот порядок через тридцать лет достанутся туркам?!

А турки говорят: «А мы всё это строили. Нас сюда привозили за нищенскую плату, мы трудились, мы работали, и мы всё это построили. Мы граждане». Да, изменится менталитет, изменится даже сама цивилизация, но они останутся гражданами Германии.

Та же проблема есть в Англии. Тот, кто бывает там, сразу видит, что Англия, Лондон наполовину чёрный, совсем чёрный — негры! В большом количестве. Это есть везде. Проблемы возникают всюду... Я к тому это говорю, что не надо пугаться проблем. Проблемы есть везде. И мы в каком-то смысле не понимаем их. И людям не дано их знать. Мы не понимаем тех процессов, которые нас сотрясают, которые нас меняют. И всякое нагромождение фактов не должно пугать, потому что, ну ей-богу же, жизнь держится чем-то более

происходит отнюдь не в форме богословских диспутов. Горючий материал здесь накапливался десятилетиями, а в ряде случаев и столетиями. Неконтролируемые эмоции, затрагивающие глубинные чувственные основания личности, едва ли могут быть обузданы в обозримой перспективе. Другое дело, что сильное правовое государство способно держать их под контролем, не допуская эксцессов на этой почве. Но глубина вопроса не сводится только к неукоснительному обеспечению конституционных гарантий прав и свобод граждан любой национальности (хотя и эта проблема у нас не решена до сих пор). Тем не менее во многих развитых странах мира, где диктатура закона давно стала реальностью, а не возжеленной мечтой, люди проявляют озабоченность по поводу происходящих демографических сдвигов, цивилизационной несовместимости мусульманского и христианского миров, всерьёз говорят о начавшихся религиозных войнах. Реакцией государственных органов на возрастающую тревогу граждан стало ужесточение визового режима и миграционного законодательства.

Человек, живущий на границе культурных миров, с его страхами, фобиями и реальными проблемами — это ведь почти про каждого из нас, вне зависимости от того, является ли он адаптированным оптимистом, успешно строящим сегодня собственную жизнь, или изгоем, болезненно переживающим свою маргинальность.

Само по себе накопление тревожных фактов, которые мы сегодня даже не можем до конца осмыслить, — не основание для паники и уж тем более для скоропалительных решений. Между тем именно метафизический страх перед зрими и грядущими цивилизационными сдвигами толкает многих к поиску простых, быстрых и окончательных решений. Но, как показала новейшая история, такие «решения» всегда чреватые насилием, террором и неисчислимыми жертвами. Тем временем в жизнь вступают новые поколения, не имевшие такого страшного опыта. В эпоху всеобщего смятения умов их неискущённость создаёт благоприятную почву для попыток подкрасить тоталитаризм и выдать методы Гитлера и Сталина за спасение.

Отсылать российского человека, ощущающего вполне понятную тревогу за будущее своего этноса, к схожим проблемам в других странах психологически верно, поскольку позволяет с холодной головой рассматривать эти кровотокающие в прямом и переносном смысле проблемы на чужом материале.

Я полностью разделяю убеждение В. Маканина в том, что формирование толерантности относится, прежде всего, к педагогической сфере и в первую очередь к воспитанию семейному. Разумеется, общество в целом и школа в частности должны делать всё от них зависящее для разъяснения принципов, лежащих в основе общечеловеческой солидарности, но в России плохо верят абстрактным принципам. Другое дело — живые личные примеры близких и родных ребёнку людей. К сожалению, действенных примеров противостояния ксенофобии на бытовом уровне пока

не так много. Скорее, наоборот, чаще предубеждение против «чужого» и даже ненависть впитываются, что называется, с молоком матери. Тем более мы должны обстоятельно и квалифицированно разъяснять родителям их место и роль в предотвращении эксцессов на этнической и религиозной почве. В этом смысле выступление Маканина — прекрасный образец нормального простого человеческого разговора на трудную тему.

И ещё об одном, о чём почему-то не принято говорить вслух на педагогических советах и методических объединениях. Во многих педагогических коллективах трудятся учителя разных национальностей, принадлежащие к разным конфессиям, по-разному осознающие свою идентичность. Так вот, на мой взгляд, **подлинная национальная и любая иная идентичность педагога не исключает, а предполагает защиту, прежде всего, детей иной национальности, другого вероисповедания.** То, что не всегда удобно сказать русскому учителю, обязан произнести армянин, еврей, и наоборот. На память приходит эпизод в одной дореволюционной царской гимназии. Известный своими правыми националистическими взглядами директор, проходя по коридору, заметил плачущего ученика. Выяснилось, что мальчика обозвали в классе жидёнком. «Запомни, — сказал директор, — здесь нет ни русских, ни евреев, здесь есть только ученики царской гимназии!» **Такая общечеловеческая позиция — категоричный императив педагогической деятельности третьего тысячелетия со всеми его угрозами и вызовами.**

Между тем в последнее время в определённых кругах российских публицистов появилось новое ругательство: «общечеловеки». Им, как правило, шельмуют людей, исповедующих демократические взгляды, тех, кто, с точки зрения государственных, занимает недостаточно патриотическую позицию, пренебрегает интересами родины во имя абстрактных размытых принципов. Анализ геополитических интересов России в контексте современного мира не входит в мою задачу, я веду речь лишь о профессиональной позиции педагога в **государственной школе, которая при всех обстоятельствах должна оставаться территорией любви, местом, где нет ни красных, ни белых, ни эллинов, ни иудеев.** Разумеется, никто не оспаривает право этносов и конфессий на воспитание своих детей в духе веры отцов. Но, во-первых, как уже говорилось выше, хорошо бы не путать веру отцов с ненавистью отцов друг к другу, а, во-вторых, столь тонкую и деликатную работу надо вести в рамках Закона РФ «Об образовании», который предоставляет такую возможность частным школам. Во всех случаях закон оставляет добровольность выбора за родителями и детьми. Помимо частных школ, существуют и другие реальные возможности приобщить детей к национальной культуре: факультативы, воскресные школы и т. п. Напоминать об этих очевидных вещах приходится потому, что в последнее время в сознании родителей, педагогов, руководителей школ наметилось смещение представлений о допустимых границах и пересечениях светского и религиозного

крепким, чем вот эти факты: столько-то миллионов, столько-то заболело... Я в этом смысле оптимист, и я думаю, что эти проблемы всегда остаются, всегда были. И всегда будут.

И всё-таки, конечно, главное — терпимость. Я не призываю к любви. Это много. Может быть, нет такого таланта или такой души, чтобы призывать к любви. Но к сочувствию, к терпимости. Об этом сказать необходимо и, мне кажется, это главный вопрос. <...>

Все умеют говорить, и особенно в кулуарах. Всё получается сбалансированно и гладко. И все эти разговоры (я их называю горизонтальными) очень естественны и могут легко снять проблему. Но гораздо важнее разговоры — вертикальные — я их называю. В многонациональной стране, которой осталась Россия и которой она пребудет, это чрезвычайно важные разговоры. Я имею в виду разговоры внутрисемейные, разговоры от поколения к поколению, когда старшие говорят с младшими. Вот где терпимость, вот где суть проблемы!

Так-то мы всегда договоримся и найдём общий язык, а вот там договориться... Я вообще убеждён, что национальный вопрос решается на кухнях, не на собраниях.

Вот когда в русской семье, допустим, я беру крайние какие-то примеры, кто-то говорит, что вот в электричке обидели еврея. Если отец или кто-то другой говорит, что я заступился, не дал обидеть, — вот это производит впечатление гораздо более сильное, чем все выступления. Гораздо более сильное, потому что здесь суть. Или, например, обидели башкира в Москве или мусульманина, всё равно какой национальности, и вот тогда, когда русский говорит дома и когда дети — пусть возражают, пусть хихикают: «Вот, мол, наш отец защитник», — неважно. Когда дома не ощущается рознь — это главное. Эти «вертикальные» разговоры — главное.

То же самое, конечно, и аналогично, когда в семье еврейской, армянской или татарской, когда там говорят: знаете ли, ведь у русских, у них тоже проблема... Им надо посочувствовать, они лишились, быть может, лучшего в мире, наиболее талантливого дворянства, они лишились за семьдесят лет религии. Им тоже тяжело, у народа этого тоже проблема. Вот когда в армянской, еврейской, татарской семье отец или мать так скажут детям — вот это производит впечатление...»³

³ Религия, образование, культура: необходимость диалога. Форум интеллигенции. Уфа, 24–25 ноября 2000 г. М., 2001. С. 57–60.

воспитания в государственных школах. Уважаемый руководитель школы принимает решение преобразовать её в православную. Бога ради, если это школа частная, а договор с родителями подкрепляет благородное намерение. Подобные школы уже существуют и успешно действуют в стране. Но при тщательном знакомстве с проектом выясняется, что, во-первых, школа государственная, учатся в ней дети разных национальностей. Та же картина и с педагогическими кадрами. Но дело даже не в национальной принадлежности детей и педагогов. В конце концов, выбор вероисповедания — дело совести каждого человека, и он далеко не всегда совпадает с национальностью. Суть в другом: в том, что сам директор имеет весьма приблизительное представление о том многотрудном деле, за которое берётся. На вопрос, предполагаются ли в его школе катехизация детей и их последующее воцерковление, он разводит руками. Но тогда какая же это православная школа? Постепенно выясняется, что речь идёт всё-таки о русской национальной школе с углублённым изучением отечественной культуры, а название «православная» — дань моде и уважению батюшке из храма по соседству. На этом вопросы не кончаются. Если эта школа берётся за углублённое изучение русской культуры, то как быть с её языческим пластом, совершенно не отражённым в образовательной программе этого учреждения, не говоря уже о послепетровской эпохе? Неужели для приобщения детей к основам национального самосознания достаточно только изучить «Домострой» и святоотеческую литературу?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Источники их всё те же: болезненная проблема необходимости обрести утраченную идентичность и культурологическая неосведомлённость большинства педагогов, вынужденных на свой страх и риск, в меру собственного разумения решать эту сложнейшую задачу. Кроме того, в последнее время складывается достаточно благоприятный общественно-политический и психологический фон, подталкивающий к подобным до конца не продуманным педагогическим решениям. Школа лишь отражает эти тревожные процессы. Но как бы там ни было, ясность должна быть внесена, по крайней мере, в различение задач и способов существования различных школ, при всей их видимой близости. Православные, мусульманские, иудаистские школы — это одно, а русские, татарские, еврейские — совсем другое. Тогда, быть может, Бог сподобит нас дожить до такой ситуации, когда возникнут русско-армянские или, к примеру, татарско-русские школы, где дети разных национальностей, проживающие бок о бок, захотят и будут иметь возможность углублённо изучать культуру друг друга, создавая тем самым базу и предпосылки для плодотворного межкультурного диалога. Похоже, что пока до этого ещё очень далеко. К сожалению, углублять растущую пропасть гораздо проще, нежели пытаться её преодолеть.

Что же касается «общечеловеков», то термин этот принадлежит не кому-нибудь, а Ф.М. Достоевскому, который, как

известно, не всегда жаловал инородцев, порой даже обрушивался на них со всей запальчивостью и страстью представителя титульной нации. Но в данном случае принадлежность к ней не помешала писателю подняться над национальными и конфессиональными пристрастиями и по достоинству оценить человека, которого никак не отнесёшь по происхождению ко всемирно отзывчивому народу-богоносцу (см. с. 25).

XX век, пролив потоки крови, обнажил не только мерзость человеческой натуры, но и явил миру немало праведников, подвиги которых — единицы. Один из них — протестантский пастор Рихард Вурмбрадт, претерпевший издевательства и пытки сначала в фашистской тюрьме, а затем в застенках социалистической Румынии. Его мучения продолжались свыше двух десятилетий! В очередной раз, находясь на краю гибели, пастор написал: «Мы поняли, что число наших конфессий можно было сократить до двух: первой из них стала бы ненависть, которая использует обряды и догмы, чтобы нападать на других. Другая — любовь, которая позволяет очень разным людям познать их единство и братство перед Богом» (цит. изд. С. 149–150). Протестантскому пастору вторит православный священник о. Сергей Желудков: «Бог — один. Он всем помогает». Среди святых XX века и наши соотечественники: Мария Кузьмина-Караваева, архиепископ и хирург Войно-Ясенецкий и многие другие — люди, сохранившие в нечеловеческих обстоятельствах человеческое достоинство, готовые положить свою жизнь «за други своя». Их живой опыт, воскрешая в памяти строки забытого ныне поэта Тхаржевского: «Чем ночь черней, тем ярче звёзды. Чем горше скорь, тем ближе Бог», — даёт основание для сдержанного оптимизма и одновременно является уникальным педагогическим материалом, столь необходимым сегодня для воспитания юношества. Жизненный подвиг каждого из этих людей — прежде всего — образец прояв-

ления на деле той самой общечеловеческой солидарности, к осознанию необходимости которой призывал русский философ В. Соловьёв. Солидарности, о которой при всех срывах и национальных пристрастиях, грезил Ф.М. Достоевский.

На самом деле нет ничего труднее, чем осознать это самое всеединство: своё всегда болит сильнее и острее, нежели чужое. Не слишком ли много: ожидать от школьного учителя проявления таких высот духа, на которых способны были удерживаться (да и то не всегда) лишь единицы из великих мира сего? Но кто может назвать иной способ предотвращения ненависти, агрессии и ксенофобии?

В нарастании этих грозных явлений, как уже отмечалось выше, не последнюю роль играют процессы глобализации. Воспринимаются они, в том числе и педагогами, как наступление на самобытность, духовную и иную независимость, что в определённой степени соответствует реальности. Отсюда и внутреннее сопротивление, желание «закрыть Америку», отгородиться надёжным щитом от бездушия и пошлости, спасти хотя бы детей от тлетворного, разлагающего влияния вестернизированной западной культуры. Желание во всех отношениях понятное и объяснимое. Особенно если учесть реальное существование конкретной школы и обычного учителя, к примеру, в одном из малых городов центральной России, где в качестве знаковых признаков открытости мира чаще всего выступает рост наркомании и детской проституции. В таких условиях вести речь о всемирной отзывчивости и общечеловеческой солидарности по меньшей мере наивно. «Мы не американцы», — распространённое начало обоснования проекта, предполагающего создание национально ориентированной школы. Как правило, за кадром остаются научное консультирование местного краеведа и настойчивые советы приходского священника, олицетворяющего собой неискажённую духовность. Дополнительное напряжение создаёт растущая самоидентификация малых этносов, находящихся по соседству. Они, в свою очередь, благодаря прежним неизжитым советским обидам принимают русскую культуру за глобальную, обезличивающую.

Словом, как написал однажды в сочинении не очень искушённый в литературе ученик: «Всё смешалось в доме Обломовых». Написал и попал в точку, если, конечно, иметь в виду не верность литературному источнику, а мутационный или, если так кому-то привычней, модернизационный характер переживаемого времени. Эпохи, когда в России в очередной раз предпринимается попытка скрестить Обломова со Штольцем; преодолеть в «сжатые сроки» правовое, экономическое и технологическое отставание от развитых стран, сохранив при этом национальное и культурное своеобразие. На таком сложном культурно-психологическом фоне налицо все предпосылки для роста любых разновидностей фундаментализма, вне зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности его носителей. Так появляются школы шаманизма, скинхеды.

В 1887 году весь Минск хоронил доктора Гинденбурга — немца и протестанта. Фёдор Михайлович описал это в «Дневнике писателя», назвав первый раздел третьей главы «Похороны общечеловека». В этом разделе он приводит письмо г-жи Л., где рассказывается о самом докторе и о том, как его хоронили:

«Хоронили доктора Гинденбурга 84 лет от роду. Как протестанта, его сначала отвезли в кирку, а уж затем на кладбище. Такого сочувствия, таких от души вырвавшихся слов, таких горячих слёз я ещё никогда не видела при похоронах... Он умер в такой бедности, что не на что было похоронить его.

Уже 58 лет как он практикует в М... и столько добра он сделал за это время. Если б вы знали, Фёдор Михайлович, что это был за человек! Он был доктор и акушер: его имя перейдёт здесь в потомство, о чём уже сложились легенды, весь простой народ звал его отцом, любил, обожал и только с его смертью понял, что он потерял в этом человеке...

Все бедняки заперли лавки и бежали за гробом. У евреев есть мальчики, которые при похоронах распевали псалмы, но запрещается провожать иноверца этими псалмами. Тут перед гробом ходили мальчики и громко распевали эти псалмы. Во всех синагогах молились за его душу, также колокола всех церквей звонили всё время процессии. Был хор военной музыки, да ещё еврейские музыканты пошли к сыну усопшего просить, как чести, позволения играть во время всей процессии. Все бедные принесли кто 10, кто 5 к., а богатые евреи дали много и приготовили великолепный, огромный венок свежих цветов с белыми и чёрными лентами по сторонам, где золотыми буквами были вычислены его главные заслуги, так, например, учреждение больницы и т. п. — я не могла разобрать, что там, да и разве возможно вычислить все заслуги?

Над его могилой держали речь пастор и еврейский раввин, и оба плакали, а он лежал себе в стареньком истёртом виц-мундире, старым платком была обвязана его голова, эта милая голова, и, казалось, он спал, так свеж был цвет его лица...

Прочитав письмо г-жи Л., Достоевский сформулировал понятие, которое многими сегодня воспринимается не иначе как с сарказмом: «общечеловек» и указал на роль таких людей в мире:

«Кстати, почему я назвал старичка доктора «общечеловеком»? Это был не общечеловек, а скорее общий человек. Этот город М. — это большой губернский город в западном крае, и в этом городе множество евреев, есть немцы, русские, конечно, поляки, литовцы, — и все-то, все эти народности признали праведного старичка за своего. Сам же он был протестант и именно немец, вполне немец...

Единственный случай!.. Но без единичных случаев не осуществишь и общих прав. Этот общий человек хоть и единичный случай, а соединил же за гробом своим весь город. Эти русские бабы и бедные еврейки целовали его ноги в гробу вместе, теснились около него вместе, плакали вместе. Пятьдесят восемь лет служения человечеству в этом городе, пятьдесят восемь лет неустанной любви соединили всех хоть раз над гробом в общем восторге и в общих слезах. Провождает его весь город, звучат колокола всех церквей, поются молитвы на всех языках. Пастор со слезами говорит свою речь над раскрытой могилой. Раввин стоит в стороне, ждёт и, как кончил пастор, сменяет его и говорит свою речь и льёт те же слёзы. Да ведь в это мгновение почти разрешён хоть бы этот самый «еврейский вопрос»! Ведь пастор и раввин соединились в общей любви, ведь они почти обнялись над этой могилой в виду христиан и евреев. Что в том, что, разойдясь, каждый приметя за старые предрассудки: капля точит камень, а вот эти-то «общие человеки» побеждают мир, соединяя его; предрассудки будут бледнеть с каждым единичным случаем и наконец вовсе исчезнут. Про старичка останутся легенды, пишет г-жа Л., тоже еврейка и тоже плакавшая над «милой головой» человеколюбца. А легенды — уж это первый шаг к делу, это живое воспоминание и неустанное напоминание об этих «победителях мира», которым принадлежит земля... И вовсе нечего ждать, пока все станут такими же хорошими, как и они, или очень многие: нужно очень немного таких, чтоб спасти мир, до того они сильны...»⁴

⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 89–92.

Последние, однако, уже не добросовестно заблуждающиеся, а идущие на прямые провокации — явление, к сожалению, достаточно глубоко укоренённое в отечественной истории.

Как же трудно учителю, не искущённому в тонких вопросах культурологии, этнопсихологии, теологии, философской антропологии и т.д., разобраться во всём этом! Но разобраться неизбежно придётся, если мы не хотим Чечни в общероссийском масштабе. Мне могут возразить: слишком преувеличиваю роль образования, а точнее воспитания в разрешении сложных кризисных вопросов переживаемой эпохи. Пусть политики, экономисты, футурологи, военные и другие специалисты находят выходы из тупиков цивилизации. Но в том-то и дело, что **любые оптимальные решения остаются в головах их авторов или ожидают лучших времён на бумажных и иных носителях до тех пор, пока не проведена необходимая педагогическая работа, вне зависимости от того, направлена она на детей или на взрослых.** Лучше бы — на тех и других одновременно. Вертикальные разговоры, о которых вёл речь писатель Маканин, есть не что иное, как осознание деятелем культуры **особой, ничем не заменимой роли педагогики в новом тысячелетии.** Любые силовые или политические решения сложных вопросов истории и культуры, при всей их вынужденной необходимости и оправданности, лишь задают определённую рамку, внутри которой происходит своего рода «настройка жизни». Не в последнюю очередь этот процесс зависит от того, как организовано воспитание нации в целом и детей в частности. Так, например, после разгрома гитлеровской Германии, во исполнение соответствующих международных решений о денацификации, на протяжении более чем двадцати лет немецкие средства массовой информации систематически из месяца в месяц публиковали материалы, разоблачающие звериную сущность фашизма, а во всех школах был введён обязательный курс, раскрывающий эту большую для немцев тему. Отсюда и инициированное государственное покаяние немецкой нации — результат долговременной терпеливой педагогической работы.

Ничего подобного не произошло в отечестве нашем. Стоит ли после этого удивляться появлению причудливой гремучей смеси национализма, коммунизма и клерикализма, из которой в адском котле кое-кто пытается выварить консолидирующую национальную идею. Расчёт на всеобщее смятение умов, неискущённость людей и их естественную тягу к национальной идее, за которую и выдаётся в конечном счёте экстракт ненависти, страхов и фобий, ибо самый эффективный и одновременно примитивный способ сплочения людей — это поставить перед ними сакраментальный вопрос: против кого мы дружим?

Тем не менее невозможно отрицать реальные угрозы национальной безопасности страны, исходящие с разных сторон и из разнообразных источников. Государственный, национальный, конфессиональный и корпоративный эгоизм, подталкивающий

государства и этносы к жёстким несправедливым решениям с применением двойного стандарта, — слишком распространённое в мире явление, чтобы игнорировать его и не учитывать в тактике и стратегии воспитания юношества. В противном случае любой здравомыслящий человек вправе возразить: мы-то, конечно, всей душой за общечеловеческую солидарность, но пусть сначала все другие разделят эту позицию, а иначе мы рискуем оказаться, например, в положении Горбачёва, распустившего Варшавский блок и немедленно получившего продвижение НАТО к нашим границам. Страх оказаться обманутым в силу собственного идеализма на фоне беззащитного эгоизма тех, кто в данный момент безоглядно эксплуатирует право сильного, — один из мощнейших побудительных мотивов, провоцирующих рост фундаментализма любого толка и оттенка. Меньше всего хотел бы разделить пафос комического персонажа мультфильма — кота Леопольда с его обращённым к мышам призывом: «Ребята, давайте жить дружно!»

Но представим на минуту, что правы те, кто убеждён: отечество наше окружено исключительно врагами, мечтающими о его культурном и ином порабощении. Что предпринимает в такой ситуации мудрый патриот? Мобилизует для защиты все лучшие силы и ресурсы. **Если мы хотим оградить юношество от наступления пошлой космополитической цивилизации Запада, то обязаны мобилизовать все выдающиеся достижения культуры — как своей, так и чужой, — необходимые для должного отпора.** Сомнительную, чтобы не сказать — медвежью, услугу оказывают России те, кто вольно или невольно стремится превратить её в своеобразный этнографический заповедник, забывая о том, что Америку можно открыть, а закрыть никому не удастся. Ревнителем стерильной чистоты национальной культуры отвечал ещё А.С. Пушкин: «Но панталоны, фрак, жилет — ведь этих слов по-русски нет».

Как только китайцы завершили строительство своей великой стены и успокоились, почувствовав себя в полной безопасности, начались застои, разложение и распри, что в конечном счёте привело Поднебесную к краху. Нечто подобное произошло и с Византией. Аналогичные примеры из новейшей истории у всех на памяти. Искусственная самоизоляция ещё никого не доводила до добра. **В том-то и дело, что единственной и самой надёжной гарантией от национальных катастроф является способность страны и нации к обучению. Таков главный педагогический урок всемирной истории.** Между прочим, способность к обучению предполагает наличие такого общеучебного навыка, как умение выделять главное, существенное, помогающее отделить семена от плевел. Это подростку позволительно считать секс-шоппы и ток-шоу западной культурой. Педагогу приличествует иметь более строгое представление о мировых достижениях как Запада, так и, разумеется, Востока, коль скоро мы находимся на цивилизационном перекрёстке восток — запад. Только такой широкий контекст даёт возможность по-настоящему оценить особое место отечественной культуры в высших её проявлениях, объёмным, стереоскопическим зрением разглядеть плодотворный процесс взаимного обогащения культур.

Казалось бы, всё это так очевидно, что не нуждается в аргументации, тем более обращённой к педагогам, получившим в своё время высшее образование. Но в который раз приходится убеждаться в том, что само по себе высшее образование (не будем задним числом оценивать его качество) не является гарантией защиты от страха и ксенофобии. Что говорить об учителе, когда среди деятелей науки и культуры, обременённых самыми высокими академическими и другими званиями, имеющих несомненные прошлые заслуги перед Отечеством, находятся люди, разделяющие самые агрессивные фундаменталистские взгляды и настроения. Дело в том, что обсуждаемые проблемы, помимо прочего, затрагивают самые глубочайшие ментальные эмоции человека. Прикосновения к этим сферам особенно болезненны и уже поэтому требуют повышенной деликатности по отношению друг к другу и уж, по крайней мере, осознания того очевидного факта, что есть такие тонкие вопросы, которые бессмысленно пытаться решать на рациональном уровне. В первую очередь это касается межконфессиональных отношений. Бесперспективно и бестактно обсуждать, чья духовность является наиболее тонкой и потому более точно отвечающей высочайшему промыслу. Для светской школы это просто недопустимо, но знать о подлинной глубине и остроте религиозных переживаний многих людей обязан и светский педагог, иначе рискует совершить непоправимые ошибки, нанести детям по своему неведению такие раны, залечить которые будет не под силу долгие годы. Одно неосторожное слово или ложная интонация — и вся долгая кропотливая педагогическая работа по выстраиванию межкультурного диалога окажется зачёркнутой. Начинать её

сначала почти бессмысленно, ибо образовавшаяся трещина в отношениях проляжет так глубоко, что любая попытка вновь приблизиться к больному вопросу даже из самых искренних и благородных побуждений будет лишь ещё больше отягощать ситуацию. Примерам подобной педагогической некомпетентности несть числа. Это вполне объяснимо для страны победившего атеизма, переживающей ныне религиозный ренессанс, с неизбежным появлением большого количества неопитов, в том числе и среди учителей, стремящихся незамедлительно донести до своих воспитанников недавно открывшуюся им самим истину, забывающих, что перед ними — дети, в чьих семьях могут исповедовать совсем иные взгляды.

Фёдор Михайлович Достоевский однажды заметил, что если истина окажется вне Христа, он предпочтёт остаться с Христом, а не с истиной. А вот совсем свежий пример. Не так давно в Москве состоялась презентация замечательной книги «Врата милосердия» о докторе Фёдоре Петровиче Гаазе (автор и составитель писатель А. Нежный). Всей своей жизнью доктор Гааз на деле реализовывал собственную моральную максиму: «Спешите делать добро». Будучи врачом и попечителем московских тюрем, он открыл первую в России тюремную больницу, добился смягчения условий жизни заключённых, до копейки истратил свой значительный капитал на помощь несчастным каторжникам и умер нищим. В народе его при жизни называли святым. Был он немцем и католиком, отдавшим все свои силы России. На презентацию книги собрались писатели, учёные, педагоги, представители разных конфессий. Во многих выступлениях преобладала мысль о продуктивности и необходимости межконфессионального диалога. Но тут слово взял редактор старообрядческого журнала А.В. Антонов — человек во всех отношениях интеллигентный, помимо прочего, знаток отечественной и зарубежной философии. Отдав должное подвигу святого доктора, он сказал: «Что же касается объединения, то оно невозможно. Мы много веков боролись и будем продолжать бороться, отстаивая догматы своей веры. Но, — промолчав, добавил он, — иногда Бог устаёт от нашей борьбы, и появляются такие люди, как Гааз». Меньше всего редактор старообрядческого журнала заслуживает упреков в отсутствии толерантности. Он лишь обратил внимание собравшихся на опасность поверхностно интеллигентских представлений о путях достижения общемирового согласия в вопросах, затрагивающих глубинные ментальные эмоции людей.

Обо всём этом необходимо знать современному российскому педагогу, поскольку он осуществляет свою деятельность в сложных и запутанных религиозно-нравственных, идеологических и психолого-педагогических условиях. Вот лишь один из последних школьных примеров на эту тему. К учителю литературы обратился православный священник, отец одной из учениц. Он деликатно, но настоятельно попросил для своей дочери разрешения не присутствовать на уроках во время изу-

чения романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором, с его точки зрения, даётся искажённое представление о Христе и дьяволе. Робкие возражения учителя, суть которых сводилась к тому, что мы, дескать, изучаем светское произведение, где герой именуется Иешуа Га Ноцри, действия не возымели. Позиция священника осталась непоколебимой. Строго говоря, по отношению к собственному ребёнку он имеет право на семейную цензуру. Получив согласие учителя на освобождение дочери от изучения «еретического» писателя, отец с достоинством удалился. Другое дело, что сегодня ему не понравился М.А. Булгаков, а завтра по тем же основаниям преданный церковью анафеме — Л.Н. Толстой. Как это всё контрастирует с позицией другого человека, тоже православного священника, отца А. Меня. Когда его спросили, может ли роман Булгакова обогатить духовный мир христианина или, напротив, почему выбрана такая странная форма — «Евангелие от Воланда», он ответил: «Никакое это не Евангелие! Это роман, в котором есть лишь намёки на евангельскую историю, там нет Христа и Пилат там не Пилат, просто взяты некоторые черты. **Книга может обогатить любого нормального человека** (выделено мною. — *Авт.*). Она необыкновенная, волнующая, это книга о любви, о вечности, о пошлости нашей жизни, о предательстве самого себя. Она полна остроумия и блеска, построена на контрастах. <...> Роман имеет к Евангелию весьма отдалённое отношение. Это не трактовка, не интерпретация, а просто другое и о другом. Видимо, Булгаков сделал это сознательно. Его, прежде всего, интересовала тема человека, «умывающего руки». Это огромная трагическая тема всего XX века. Никогда ещё это невинное занятие не принимало столь зловещего характера и таких широких всемирных масштабов»...⁵ **Такой ответ мог дать лишь человек, в котором естественным образом сочетались живая вера**

и подлинная образованность. Отсутствие одной из этих составляющих чревато либо обскурантизмом, либо цинизмом.

Подведу некоторые итоги. Спокойному диалогу в равной мере препятствует как излишняя истовость фундаменталистов и примыкающих к ним неопитов, так и поверхностная вера людей, не имеющих живого опыта глубоких религиозных переживаний. А диалог — это, пожалуй, главное, что необходимо сегодня: ровный, трезвый разговор без истерик и излишних восторгов, при максимальном, искреннем стремлении понять друг друга. Подготовка его — важнейшая задача школы нового тысячелетия. В противном случае, не найдя взаимопонимания, мы рискуем получить технологически оснащённое и до зубов вооружённое общество с первобытным или средневековым менталитетом. Последствия развития такого сценария слишком хорошо известны антропологам. В период вьетнамо-американской войны к первобытному охотничьему племени горных кхмеров попали американские карабины. Освоив новое оружие, туземцы за несколько лет истребили фауну, перестреляли друг друга, а оставшиеся в живых спустились с гор и деградировали⁶. Принципиальная невозможность остановить бурное научно-техническое развитие, несущее, помимо благ, серьёзные угрозы человечеству, вынуждает учёных искать выход из цивилизационного кризиса. Продуктивную гипотезу выдвинул недавно А.П. Назаретян. Он вывел некий **закон технико-гуманитарного баланса, суть которого заключается в том, что выживают те общества, где, наряду с развитием технической мощи, совершенствуются культурно-психологические механизмы сдерживания и сублимации агрессии. Перекос в ту или иную сторону ведёт либо к потере динамики развития (обессиливанию), либо к самоуничтожению**⁷. Эта гипотеза представляется **чрезвычайно продуктивной, прежде всего, с позиций грамотного реалистичного определения стратегии развития образования, поскольку обращает**

внимание на недопустимость перекоса в отборе его естественно-научного и гуманитарного содержания. Гуманитарная составляющая образования, при таком взвешенном взгляде, перестаёт казаться избыточным для современного человека рудиментом, некоей сентиментальной данью безвозвратно ушедшему прошлому, но, напротив, приобретает статус своеобразной техники безопасности человечества. На первый взгляд этот подход достаточно очевиден и не нуждается в защите. Но в такой стране, как наша, в срочном порядке решающей задачу всесторонней модернизации, при отборе содержания образования слишком велика опасность победы утилитарного прагматизма, точнее того, что излишне торопливые люди принимают за практичность и прагматизм.

Между тем баланс, компромисс, постоянное поддержание и сохранение хрупкого равновесия — альфа и омега не только стабильности общества, но и разумный путь определения его образовательной стратегии.

Надо отдавать себе отчёт в том, что в сложном, дифференцированном обществе нет и уже не может быть единой идеологии. А следовательно, трудно надеяться на выработку универсального социального заказа на образование, который в одинаковой степени устроит всех: верующих и атеистов, «адаптированных оптимистов» из среды успешных бизнесменов и тонких интеллигентов, предпочитающих духовность презренной пользе. Слишком по-разному они видят будущее своих детей. Кроме того, у нас существуют многочисленные социальные слои и группы, которые пока смутно представляют себе собственную образовательную стратегию. Тем более в таких условиях сомнительно опираться на какую-либо одну-единственную парадигму образования. На мой взгляд, более продуктивным представляется поиск путей кооперации различных педагогических парадигм. В основе такой кооперации — постоянный диалог религии, образования, культуры. **НО**

5

Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. М., 1999. С.151–154.

6

Пегов С.А., Пузанченко Ю.Г. Общество и природа на пороге двадцать первого века. //Общественные науки и современность, 2001. 1994. № 5.

7

Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2001.